
Е.А. Осокина¹

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

АЛЬФА И ОМЕГА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье вновь говорится о необходимости иного прочтения творческого наследия Достоевского – без терминов и понятий советского литературоведения, но на структурообразующей православной богослужебной основе в полноте ритуала, текста и предания, – что открывает произведения как совершенные по форме и содержанию.

Ключевые слова: Достоевский, русская литература, православное богослужение как подтекст, терминология типикона, целое и частное, «сквозные» темы, библейская и бытовая лексика, основа литературы, совершенство формы.

E.A. Osokina

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

ALPHA AND OMEGA OF RUSSIAN LITERATURE

In the article again identified the need for a different reading of the creative heritage of Dostoevsky – without terms and concepts of Soviet literature, but on the structural Orthodox liturgical the basis of the completeness of the ritual, text and tradition, – that opens works as perfect in shape and content.

Keywords: Fyodor Dostoyevsky, Russian Literature, Orthodox worship as implication, tipikon terminology, whole and particular, crosscutting themes, biblical and household vocabulary, basis of the literature, the perfection of form.

*«Ныне уразумели они, что всё,
что Ты дал Мне, от Тебя есть,
ибо слова, которые Ты дал Мне,
Я передал им, и они приняли,*

¹ Елена Анатольевна Осокина, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (г. Москва).

Е.А. Осокина
*и уразумели истинно, что Я исшел от Тебя,
и уверовали, что Ты послал Меня».*
(Ин 17:7-8)

Њ и ѿ – крайние буквы греческого алфавита – значимы для филолога (так называли в Риме христианина (Рим 16:15) как слова Христа, переданные Иоанном Богословом: «*Я есмь Альфа и Омега, начало и конец*, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» (Откр 1:8), «... жаждашему дам даром от источника воды живой» (Откр 1:8, 21:6), «... Первый и Последний» (Откр 22:13). Соединение начала и конца в Иисусе Христе есть Истина – сущее всегда, т.е. вечное и должное. То, что за пределами вечного, – иное, другое. Достоевский говорит: «Но, разумеется, никогда нам не исчерпать всего явления, не добраться до конца и начала. Концы и начала – это всё ещё пока для человека фантастическое». [Достоевский, 1981, 23, с. 145] Неведомое, невероятное, с трудом понимаемое потому, что является особой системой внутри общепринятой. Но стоит только прислушаться, и тайное становится явным. И это вечное познание. Для нас сейчас это актуально, потому что мы еще только возвращаемся к нашим основам, утерянным и поруганным в период гонений на Церковь в XX-м веке. Было утеряно самое главное – православная основа жизненного уклада, – уклада, определяемого годовым, недельным и суточным укладом Церкви. Это было настолько обычно и понятно для тех людей, жизнь и сознание которых были сформированы и пропитаны церковным календарем и богослужением, и настолько непонятно и непривычно для нас, что мы не в состоянии правильно воспринимать и понимать ни жизнь того человека, ни культуру, ни художественную литературу без знания этих основ и богослужения в общем и частном. А освоить все это очень непросто. Поэтому надо говорить о любых прозрениях новозаветного благодатного Слова. Но не все так печально, есть и положительное в нашем обращении к Слову и обретении Его заново – оно в единстве *филологии* и *богословия*: при подходе к художественной литературе со стороны филологического знания, со стороны узнаваемого церковного обряда и православного богослужения, мы можем видеть красоту Слова извне, мы можем видеть какие-то скрытые творческие тонкости авторского мастерства при создании своих произведений, творческую мастерскую в частном и целом.

Начало литературы – буквально *записанного* Слова – как творчества Божественному творению, то есть само творчество – есть тайна и таинство. Значимость Слова связана с вечным Воскресением Христовым – Пасхой – и звучит началом первого зачала на Пасхальной литургии: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин 1:1). И далее содержание так называемого пролога Евангелия-апракос известно всем. Стих 14-й гласит: «И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины», – что означает воплощение Божественной полноты и Совершенство «И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать, ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин 1:16-17). Почти так же названо древнерусское произведение середины XI века, начинающее русскую литературу – «Слово о законе, Моисеом даннем ему, и о благодати и истине, Иисус Христом бывшим, и како закон отиде, благодеть же и истина всю землю исполни, и вера в вся простреся и до нашего языка рускаго, и похвала кагану нашему Влодимеру, от него же крещении быхом, и молитва к Богу от всеа земля наша» митрополита Илариона. В самом названии уже видна содержательная форма этого прекрасного произведения, написанного по всем законам высокого искусства, основанного на гимнографии и являющее собой новое, оригинальное русское произведение – оно было написано специально для произнесения в храме, в присутствии великого князя Ярослава и его жены Ирины. Смысл и структура «Слова...», являясь частью богослужения, соотносятся с ним как в целом так и в каждой составляющей его части [Осокина, 2008, № 10]. Цельное, имеющее начало и конец, трехчастное – как и литургия, состоящее из молитвы, акафистного кондака, памяти и похвалы, антифона, канона, т.е. всех тех форм поэзии, которые представлены в богослужении; устроено по принципу параллелизма – древнейшему поэтическому приему, представленному еще в псалмах. Этот поэтический принцип псалма использовался для создания тропарей и стихир – небольших гимнографических форм, используемых для создания более крупных – канона и кондака, причем структура малой формы, содержательно происходящая из важнейшей части литургии: суть – основа-образец – актуализация – цель-причастие.

В литературном произведении эти формы, будучи используемы как образец, реализуются несколько иначе, но с сохранением

знакового смысла образца в соотношении темы и структуры малых и больших форм. Развертывание тезиса, актуализация вплоть до реализации метафоры и фразеологического единства, повтор на разном формальном уровне – звука, слова, высказывания, текста, произведения. Для творчества Достоевского, которое все выстроено на основополагающих принципах православного богослужения, – это высокий смысл христианского служения через покаяние и причастие и формальные художественные приемы воплощения идеи – это параллелизм всех видов, амплификация, градация, характеризм, – всё это представлено в Комментарий к словарной статье в Словаре языка Достоевского (Идиоглоссарии) в зоне СЧТ2 в виде *фигур речи*.

Данное Богом и обретенное человеком во всей полноте Слово творческим началом автора начинает развертываться в словесную новую форму, достигая совершенства. Тогда авторское словесное искусство, в письменном своем виде получившее название «литература», записанное творение или *художественная литература*, достигает наивысшей точки, соединяя в себе вечную сущность и актуальное воплощение, и тем самым исполняя волю Бога Творца – Слово становится плотью, что есть совершенство, для художественной литературы – граница возможного, предел. «Но в том и великое, что тут тайна, – что мимоидущий лик земной и вечная истина соприкоснулись тут вместе. Пред правдой земною совершается действие вечной правды». («Братья Карамазовы». Из Жития старца Зосимы) [Достоевский, 1976, 14, с. 265].

Ф.М. Достоевского весьма занимала эта тема «исполнения миссии» принесения миру вести о спасении, о чем свидетельствуют его отметки в евангелии, бывшем с ним на каторге. Евангелие от Иоанна, откуда это зачало, все испещрено его значками. И если «альфой» русской литературы можно считать «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, то «омегой» – «пятикнижие» Достоевского, в том числе «Братьев Карамазовых», как завершающее его произведение, представляющих собой ту совершенную форму, после которой уже ничто не может быть, «что начало быть», а только что-то другое, новое.

При заявлении такого тезиса, возникает проблема его истинности и понимания этого. Между тем возможности понимания – «имеющий ухо да слышит» (Откр 2:7, 11, 17, 29; 3:6, 13, 22) – ограничены нашей непросвещенностью. Необходимо быть в

системе этих представлений, но тут возникает еще одна проблема – проблема абсурда – возможности понимания, но для этого и надо пытаться указывать на формальные, зримые, всем видимые доказательства.

Нет ничего удивительного в том, что в осмыслении больших по форме произведений Достоевского невозможно обойтись без терминологии Типикона [Мансветов, 1885] – принципов богослужебного устава, – ибо вне этой терминологии и понятий невозможно получить верное представление о том, что было сделано Достоевским, а именно: воплощение формы богослужения – суточного и годового, вмещающего в себя ритуал, слово и предание, – в литературно-художественную форму на уровне структуры, лексики и темы. [Осокина, 2008, № 13]

Говоря о терминологии типикона, я пытаюсь донести ту мысль, что невозможно адекватно говорить о феномене Достоевского иноязычными терминами советской литературоведческой школы. Есть другие слова, и они есть в типиконе, описывающем чин православного богослужения годового, недельного, суточного. Уже назывались работы, посвященные этой проблеме, и есть прекрасная диссертация иеромонаха Симеона (Томачинского) о «Выбранных местах...» Н.В. Гоголя [Симеон, 2009, с. 32], где только через великопостное недельное последование можно верно понять это не принятое современниками творение Гоголя, понять его структуру и содержание. Важно ставить вопрос или задание для правильного проникновения в сущность текста, напр., почему для «Сна смешного человека» и монолога Версилова в «Подростке» Достоевский выбирает в качестве основной тему не читаемого на службе евангелия от Иакова 1:15-16? Оно читается в Западной церкви на 6-й рядовой неделе во вторник. И тогда выводы будут совсем другие, как и подход к изучению.

О православном подтексте и контексте, о присутствии литургических цитат в произведениях Достоевского уже говорилось в докладах и публикациях В.Н. Захарова, И.А. Есаулова, Т.А. Касаткиной, Ф.Б. Тарасова и других. И каждый, читающий так Достоевского, идет своим путем постижения Слова. И путь каждого своеобразен. Мое постижение идет от структуры богослужения, существующего не только как звучащее и зримое слово, но и как литературная форма, т.е. определенное последование различных составляющих богослужения поэтических произведений, в системе

ежедневного, недельного и суточного богослужебного круга, что формирует и наполняет особым смыслом произведение литературы, которое и воспринимать, и понимать надо во всей целокупности и взаимосвязанности этих частей и форм.

Круговая композиция тематически, хронографически и структурно соотносится с формой годового и суточного богослужения – это несомненно [Осокина, 2008, № 13].

Как Достоевский-художник превращает эту бесконечно варьируемую подвижную структуру, существующую в суточном и годовом времени, еще предстоит показать. Но некоторые приемы можно назвать и сейчас. Напр., повтор – основной структурообразующий прием на различных уровнях текста, заставляющий воспринимать текст разносторонне (в общем) и глубоко (в частном). Это параллелизмы на уровне звука, слова, синтагмы, периода, абзаца, произведения [Осокина, 2008, № 10].

Конечно, толкование Пятикнижия еще не исчерпано, и это трудная, но увлекательная работа. Но можно рассматривать и все художественное наследие Достоевского в едином целом, целокупности и всеохватности. Для этого необходимо перечитывать собрание сочинений уже с более полным жизненным знанием. При таком обратном ходе открываются невидимые прежде связи начала и конца, которые были предопределены в творчестве Достоевского. Так «Бедные люди», представившие писателя читателю, лексически и идейно связаны с «Записками из подполья» и «Подростком», повесть «Хозяйка» имеет повторы и смысловое развертывание в тексте романа «Преступление и наказание», текст «Села Степанчикова...» погружает нас в атмосферу романа «Идиот», – и это далеко не все соотнесения.

<p>Молодой человек, доживая срочное время, с сожалением думал о старом угле и досадовал на то, что приходилось оставить его: он был беден, а квартира была дорога. На другой же день после отъезда хозяйки он взял</p>	<p>Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех (молитвенное состояние), что боялся даже</p>
--	---

<p>фуражку и пошел бродить по петербургским переулкам, высматривая все ярлычки, прибитые к воротам домов, и выбирая дом почернее, полюднее и <i>капитальнее</i>, в котором всего удобнее было найти требуемый угол у каких-нибудь бедных жильцов.</p> <p>Он уже долго искал, весьма прилежно, но скоро новые, почти незнакомые ощущения посетили его. Сначала рассеянно и небрежно, потом со вниманием, наконец с сильным любопытством стал он смотреть кругом себя. Толпа и уличная жизнь, шум, движение, новость предметов, новость положения – вся эта мелочная жизнь и <u>обыденная дребедень</u>, так давно наскучившая деловому и занятому петербургскому человеку, бесплодно, но хлопотливо всю жизнь свою отыскивающему средств умириться, стихнуть и успокоиться где-нибудь в теплом гнезде, добытом трудом, потом и разными другими</p>	<p>всякой встречи, не только встречи с хозяйкой. Он был задавлен бедностью; но даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его. <u>Насушными делами своими</u> он совсем перестал и не хотел заниматься.</p> <p>Никакой хозяйки, в сущности, он не боялся, что бы та ни замышляла против него. Но останавливаться на лестнице, слушать всякий взор про всю эту <u>обыденную дребедень</u>, до которой ему нет никакого дела, все эти <u>приставания о платеже, угрозы, жалобы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать</u>, – нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь кошкой по лестнице и улизнуть, чтобы никто не видал.</p> <p>Впрочем, на этот раз страх встречи с своею кредиторшей даже его самого поразил по выходе на улицу.</p> <p>«На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! – подумал он с странною улыбкой. – Гм... да... всё в руках человека, и всё-то он мимо носу проносит, единственно от одной трусости... это уж аксиома... Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они</p>
---	---

средствами, – вся эта пошлая проза и скука возбудила в нем, напротив, какое-то тихо-радостное, светлое ощущение. Бледные щеки его стали покрываться легким румянцем, глаза заблестели как будто новой надеждой, и он с жадностью, широко стал вдыхать в себя холодный, свежий воздух. Ему сделалось необыкновенно легко.

Он всегда вел жизнь тихую, совершенно уединенную. Года три назад, получив свою ученую степень и став по возможности свободным, он пошел к одному старичку, которого доселе знал понаслышке, и долго ждал, покамест ливрейный камердинер согласился доложить о нем в другой раз. Потом он вошел в высокую, темную и пустынную залу, крайне скучную, как еще бывает в старинных, уцелевших от времени фамильных, барских домах, и увидел в ней старичка, увешанного орденами и украшенного сединой, друга и

больше всего боятся... А впрочем, я слишком много болтаю» [«Преступление и наказание». Достоевский, 1973, 6, с. 5].

<p>сослуживца его отца и опекуна своего [«Хозяйка». Достоевский, 1972, 1, с. 264].</p>	
--	--

В «Преступлении и наказании» заявлен отход от Бога, что просматривается в самом начале, и связано это с «перевертыванием» молитвы «Отче наш» [Достоевский, 1973, 6, с. 5]:

<p>«Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех [молитвенное состояние – Е.О.], что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой. Он был задавлен бедностью; но даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его. <u>Насущными делами своими</u> он совсем перестал и не хотел заниматься.</p> <p>Никакой хозяйки, в сущности, он не боялся, что бы та ни замышляла против него. Но останавливаться на лестнице, слушать всякий взор про всю эту <u>обыденную дребедень</u>, до которой ему нет никакого дела, все эти <u>приставания о платеже, угрозы, жалобы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать</u>, – нет уж, лучше проскользнуть</p>	<p>Молитва «Отче наш» из евангелия Достоевского (Мф 6, 9-13):</p> <p>Отче нашъ, сущій на небесахъ! Да святится имя Твое; да будетъ воля Твоя, и на землі, какъ на небі;</p> <p>хлѣбъ нашъ <u>насущный</u> дай намъ</p> <p><u>на сей день</u>; и прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ; и не предай насъ искушенію, но избавь насъ отъ лукаваго.</p> <p>Ибо Твое есть царство, и сила, и слава во вѣки. Аминь.</p>
---	--

как-нибудь кошкой по лестнице и улизнуть, чтобы никто не видал.

Впрочем, на этот раз страх встречи с своею кредиторшей даже его самого поразил по выходе на улицу.

«На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! – подумал он с странною улыбкой. – Гм... да... всё в руках человека, и всё-то он мимо носу пронесит, единственно от одной трусости... это уж аксиома... Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они больше всего боятся... А впрочем, я слишком много болтаю». [«Преступление и наказание». Достоевский, 1973, 6, с. 5].

и к концу: «Я... я захотел *осмелиться* и убил... я только осмелиться захотел, Соня, вот вся причина! – О, молчите, молчите! – вскричала Соня, всплеснув руками. – От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!..», и к концу: «Он [Раскольников] даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим, будущим подвигом...» [Достоевский, 1973, 6, с. 321]. Эта тема проходит через все романы – Ид 453 [речь князя Мышкина у Епанчиных: И наши [русские – Е.О.] не просто становятся атеистами, а непременно *уверуют* в атеизм, как бы в новую веру, никак не замечая, что уверовали в нуль. Такова наша жажда! «Кто почвы под собой не имеет, тот и Бога не имеет» <...> Он [купец из старообрядцев – Е.О.] сказал: «Кто от родной земли отказался, тот и от Бога своего отказался». [хлыстовщина, нигилизм, иезуитизм, атеизм] <...> Покажите ему [русскому человеку – Е.О.] в будущем обновление всего человечества и воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, русским Богом и Христом, и увидите, какой исполин могучий и правдивый, мудрый и кроткий

вырастет перед изумленным миром <...>», Пд 375 [рассуждения Версилова], Тх 21-22 [исповедь Ставрогина]. В БКа чёрт воспроизводит слова Ивана Карамазова из статьи «Геологический переворот»: «[новые люди в Европе] полагают разрушить всё и начать с антропофагии. Глупцы, меня не спросились! По-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело! <...> Раз человечество отречется поголовно от Бога <...>, то само собою, без антропофагии, падет всё прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит всё новое». В конце романа Дмитрий Карамазов перед вынесением приговора говорит: «Коли пощадите, коль отпустите – помолюсь за вас. Лучшим стану, слово даю, пред Богом его даю. А коль осудите – сам сломаю над головой моей шпагу, а, сломав, поцелую обломки! Но пощадите, не лишите меня Бога моего, знаю себя: возропщу!» [Достоевский, 1976, 15, с. 83].

Помимо таких соотнесений, есть еще представление о неизменных, повторяющихся темах и сюжетах, которые пронизывают все произведения и особым образом организуют структуру «пятикнижия». Это сюжеты, связанные:

- р́ с незаконнорожденным героем,
- р́ с погубленным ребенком,
- р́ с насилием над девочкой,
- р́ с красивой женщиной,
- р́ с содержанием,
- р́ со снами,
- р́ с несостоявшимся или тайным браком,
- р́ с подброшенным младенцем,
- р́ с убийством и самоубийством,
- р́ с поединком,
- р́ с предательством,
- р́ со смутой,
- р́ со скандалом,
- р́ с ложью,
- р́ с деньгами и некоторыми другими темами.

Чин каждой службы имеет постоянную структуру и изменяемые части, что позволяет делать вставки больше или меньше, не нарушая целого. Но как только мы попытаемся что-то проанализировать поступательным путем, деля «срез», мы

неизбежно столкнемся с упрощением этого многомерного следования до двухмерности синхронии или диахронии. Понимать можно или от частного к целому, или от целого к частному, но в целом.

Единая идея, соединяющая «пятикнижие» воедино, в одну большую форму, в одно последование, создает круговую форму. О наличии единой идеи для пяти произведений говорится в академическом ПСС в послесловии к «Братьям Карамазовым» [Достоевский, 1976, 15, с. 402-410, с. 411-415], где приведены фактические подтверждения единого замысла. Можно представить и наблюдения над лексиконом писателя. В текстах Достоевского во второй трети XIX в. базовая составляющая – а это вся библейская лексика – не воспринимается из-за своей естественности для сознания и культуры. Воспринимается и оценивается тот лексикон и те реалии, которые являются экстраординарными, выходящими за пределы христианско-православной основы – это бытовой, нигилистический, психологический, сниженный социальный пласт, формирующий представление о Достоевском как о бытовикедетективщике, психологе, реалисте, выставляющем напоказ все закоулки человеческой души, и т.д. Откуда же возникает такая оценка, как «пророк», с явной отсылкой к библейскому тексту? Дело в том, что Достоевский как настоящий мастер и «гений искусства» (по словам В.В. Набокова) направляет сознание пронизательных и обладающих знанием читателей к базовому для того времени тексту невербальными средствами, а именно:

1) сюжетом – интрига разворачивается вокруг и в связи с размышлениями об Истине и Христе;

2) структурой фразы – это фигуры речи: параллелизм, амплификация, парцелляция, характеризм и градация, – и структурой как одного произведения, где структура службы является основой для литературной формы, так и нескольких, воспринимаемых в едином целом и соотносимых с богослужебными кругами.

Таким образом, создается основа двойственного восприятия читателем: поверхностный психологически-бытовой уровень, сквозь который видится глубинный, вечный, составляющий основу бытия. И эта двойственность восприятия закрепляется и передается в культуре от одной формы – другой. Это же способствует формированию – при желании – двойственного облика и самого

писателя. Но в вечном круге бытия, в Культуре и в сознании и душах просвещенных носителей своей культуры Достоевский всегда пророк и провозвестник Истины и Христа, певец человека – творения Божия.

Ф.М. Достоевский, используя в качестве структурообразующей богослужебную основу – в полноте ритуала, текста и предания – для своих произведений, исподволь обращает наше сознание к истинному истоку литературы и культуры. Главное – видеть, слышать и уметь просто сказать о главном. «В начале было Слово», и «Слово стало плотью» – вот это и есть пределы литературы, её «Альфа и Омега».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев, С.С. Поэтика ранневизантийской литературы / С.С. Аверинцев. – М.: Наука, 1977. – 320 с.

Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т.6. – М. Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. – 800 с.

Грифцов, Б. Эстетический канон Достоевского / Б. Грифцов // Вопросы литературы. – 2005. – № 2. – С. 191-208.

Евангелие Достоевского: в 2 т. Т. 1. Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф.М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года. – М.: Русский Мирь, 2010. – 656 с.

Симеон, (Томачинский; иеромонах). Путеводитель к светлому Воскресению: Н.В. Гоголь и его «Выбранные места из переписки с друзьями» / Симеон. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – 163 с.

Лукин, В.А. Кризис и текст / В.А. Лукин // Русское слово в русском мире – 2005: государство и государственность в языковом сознании россиян / под ред. Ю.Н. Караулова и др. – М.: Моск. гос. лингв. ин-т, 2006. – С. 126-167.

Мансветов, И.Д. Церковный устав (типик). Его образование и судьба в греческой и русской церкви / И. Мансветов. – М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1885. – 448 с.

Мочульский, К.В. Достоевский. Жизнь и творчество / К.В. Мочульский // Мочульский К. Н.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М.: Республика, 1995. – С. 217-549.

Набоков, В. Федор Достоевский. 1821 – 1881 / В. Набоков // Набоков В. Лекции по русской литературе. – М.: Независимая газета, 1996. – С. 173-219.

Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. Наука, 1972 – 1990.

Никольский, К. Пособие к изучению Устава Богослужения в Православной церкви / К. Никольский. – СПб.: Тип. Поповицкого, 1874. – 805 с.

Осокина, Е.А. Любить или не любить Достоевского (Наблюдения над чтением и восприятием текста) [Электронный ресурс] / Е.А. Осокина. – Режим доступа: lenazar.narod.ru/article.html. – Заглавие с экрана. 2005.

Осокина, Е.А. Еще раз о любви и нелюбви к Достоевскому. В. Набоков о Достоевском [Электронный ресурс] / Е.А. Осокина. – Режим доступа: lenazar.narod.ru/article.html. – Заглавие с экрана. 2006.

Осокина, Е.А. Место «Великого инквизитора» в круге пяти книг [Электронный ресурс] / Е.А. Осокина. – Режим доступа: lenazar.narod.ru/article.html. – Заглавие с экрана. 2008a.

Осокина, Е.А. Параллелизм: риторика или поэтика, проза или стих, особый прием или система? [Электронный ресурс] / Е.А. Осокина. – Режим доступа: lenazar.narod.ru/article.html. – Заглавие с экрана. 2008b.

Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Т. I. А – В / гл. ред. член-корр. РАН Ю.Н. Караулов. – М.: Азбуковник, 2008. – 962 с.